

Подходы понимания социального эффекта правовых институтов

Аннотация. Целью исследования является оценка социального эффекта в условиях становления и действия правовых институтов: правовой менталитет, правовая ментальность, правосознание, правовая культура в правотворчестве и правоприменительной практике. Теоретико-правовой подход позволил раскрыть правовую природу категории «правовой менталитет — правовая ментальность — правосознание — правовая культура» во взаимосвязи, выраженной диалектикой и логикой проявления, где основным критерием служит преемственность и системность правовых институтов. Установлена зависимость социального эффекта от действенности правовых институтов как результат гражданственности общества и государства, выявлены факторы наступления правовой имплементации и/или правовой экспансии. Историко-правовой подход раскрывает переменные преемственности правовых институтов через призму соотношения правового детерминизма и волюнтаризма, ведущие к правовой имплементации или правовой экспансии. На основе сравнительной аналогии признаков гармонизации («согласованность») и унификации норм («универсальность») в области административных правоотношений установлена их прямая взаимосвязь организационно-правовой деятельности. Анализ исторических и правовых предпосылок позволяет установить такие правовые риски, как формализм, фальсификация, латентность, присущие переходным периодам правовой системы, а также отсутствие историко-правовой преемственности и незавершенности становления правовых институтов. Поэтому устранение рисков социального эффекта позволяет усилить императив становления правовых институтов путем применения образовательных, культурно-просветительских технологий как инструмента сохранения историко-правовой преемственности правосознания и правовой культуры в достижении социального эффекта гражданского общества.

Ключевые слова: теоретико-правовой подход; историко-правовой подход; правовой институт; социальный эффект; правовой менталитет; правосознание; правовая культура; историко-правовая преемственность; правовая экспансия; правовая имплементация.

Для цитирования: Люлюкин В. В. Подходы к пониманию социального эффекта правовых институтов // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — Т. 15. — № 11. — С. 140–152. — DOI: 10.17803/1994-1471.2020.120.11.140-152.

© Люлюкин В. В., 2020

* Люлюкин Валентин Валентинович, кандидат исторических наук, доцент Псковского государственного университета
Советская ул., д. 21, г. Псков, Россия, 180000
lulukinvv@gmail.ru

Approaches to Understanding the Social Effect of Legal Institutions

Valentin V. Lyulyukin, Cand. Sci. (History), Associate Professor, Pskov State University
ul. Sovetskaya, d. 21, Pskov, Russia, 180000
lulukinvv@gmail.ru

Abstract. The aim of the study is to assess the social effect in the conditions of the formation and operation of legal institutions: legal mentality, legal mindset, legal consciousness, legal culture in lawmaking and law enforcement practice. The theoretical and legal approach made it possible to reveal the legal nature of the category "legal mentality — legal mindset — legal consciousness — legal culture" in the interconnection expressed by dialectics and logic of manifestation, where the main criterion is the continuity and consistency of legal institutions. The paper establishes the dependence of the social effect on the effectiveness of legal institutions as a result of the civic consciousness of society and the state, and identifies the factors of the onset of legal implementation and/or legal expansion. The historical and legal approach reveals the variables of the continuity of legal institutions through the prism of the relationship between legal determinism and voluntarism, leading to legal implementation or legal expansion. Based on a comparative analogy of the features of harmonization ("consistency") and unification of norms ("universality") in the field of administrative legal relations, their direct relationship is established between organizational and legal activities. The analysis of historical and legal preconditions allows us to establish such legal risks as formalism, falsification, latency inherent in the transitional periods of the legal system, as well as the lack of historical and legal continuity and incompleteness of the formation of legal institutions. Therefore, the elimination of the risks of social effect provides for strengthening the imperative of the formation of legal institutions using educational, cultural and educational technologies as a tool for preserving the historical and legal continuity of legal consciousness and legal culture in achieving the social effect of civil society.

Keywords: theoretical and legal approach; historical and legal approach; legal institution; social effect; legal mentality; legal awareness; legal culture; historical and legal continuity; legal expansion; legal implementation.

Cite as: Lyulyukin VV. Podkhody k ponimaniyu sotsialnogo effekta pravovykh institutov [Approaches to Understanding the Social Effect of Legal Institutions]. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*. 2020;15(11):140-152. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.120.11.140-152. (In Russ., abstract in Eng.).

Современная правовая система характеризуется формальным позитивизмом, недостатком историко-правовой преемственности и правовыми рисками цифровой трансформации правоотношений субъектов и правового режима объектов, преодоление которых обусловлено достижением социального эффекта такими институтами, как правовой менталитет, правосознание и правовая культура.

Значимость правовых институтов выражена фундаментальностью и законностью применения инструментов правотворчества, толкования и правового анализа, и основанная на принципах баланса естественного права и позитивизма, баланса частного и публичного права, отраслевого разграничения предметов рассмотрения правовых основ, объективной квалификации в ходе правоприменительной практики. Соблюдение указанных основ и принципов правовых

институтов служит императивом достижения социального эффекта как итоговый показатель гражданственности общества нового поколения. Социальный эффект правовых институтов очевиден в конструктивном диалоге с государством на равных и демократических началах, где правовые регуляторы цифровой трансформации служат инструментом алгоритмизации и автоматизации правовых режимов действительности социального эффекта, за исключением «оцифровки» гражданственности общества.

Очевидно, что историко-правовой подход понимания социального эффекта правовых институтов позволяет выявить проблемы преемственности как основу сохранения ценностей, самоидентификации, правового суверенитета, как гаранта от разного рода проявлений внешней или внутриотраслевой правовой экспансии. Данный подход обусловлен историческими

предпосылками менталитета, ментальности, сознания и культуры социума в становления правовых институтов.

Следует обозначить понимание социального эффекта правовых институтов (правового менталитета, правовой ментальности, правосознания и правовой культуры) как результат общественной полезности выражения прав и свобод гражданина, обладающего ценностями историко-правовой преемственности, гражданственности, юридической и ментальной ответственности перед законом и обществом. При этом ментальная ответственность обусловлена исключением инверсий, деструкций и ментальной эпидемии — дисбаланса прав и обязанностей¹.

Процессы, в том числе связанные с переходом на цифровые основы правовой системы, усугубляют правовые риски, связанные с проявлением правового нигилизма, правового невежества как предпосылки правовой экспансии, тем самым трансформируя менталитет, искажая ментальность и правосознание, в итоге теряя историко-правовую преемственность правовой системы.

Многие ученые правоведы (А. В. Скоробогатов, А. Е. Абрамов, В. Н. Карташев, А. Ю. Мамычев, А. Ю. Мордовцев, Т. А. Романова, Л. В. Сокольская и др.) отмечают признаки правовых рисков (правовой «беспредел», отсутствие правовой идеологии, правовая фальсификация), трансформирующие правовые институты, где проявляются аналоги правовой экспансии в силу деструкции правосознания.

Так, правовая фальсификация выражена под видом унификации и гармонизации норм,

где применена принудительная рецепция, например навязывание европейских стандартов. В силу подмены толкования дефиниций и размывания отраслевых разграничений проявляет себя внутриотраслевая экспансия, например фискализация норм пресечения вместо исправительных мер. Установление норм цифровой и информационной безопасности выражено, порой, регулятивной экспансией, например доминированием формального позитивизма. В целом латентность переходных правовых процессов на примере единой цифровой платформы имеет риск правовой гегемонии, упраздняя историко-правовую самоидентификацию и суверенитет государства.

Позволим себе рассуждение, что переходным процессам свойственна латентность, когда сложно выявить и доказать состав неправомерного правового поведения. Таким процессам свойственен «волатильно-формальный позитивизм» в нестабильности норм без константы естественного права, который может послужить инструментом «тихой революции». Подобную позицию отражает Л. В. Сокольская², где латентность сопровождается ролью правящей элиты государства как доминирование правящего меньшинства и наступление риска волюнтаризма.

Рассмотрим вопросы историко-правовой природы взаимосвязи правового менталитета, правосознания и правовой культуры, которым посвящены работы таких ведущих правоведов, как: Д. А. Агапов³, В. К. Бабаев⁴, А. Д. Бойков⁵, А. С. Бондарев⁶, А. А. Васильев⁷, В. И. Каминский, М. Н. Марченко, А. Р. Рамина, В. П. Сальников⁸, В. Н. Синюков⁹. Указанные исследова-

¹ Сидоров П. И. Этическая синдромология ментальной эпидемиологии // Экология человека. 2015. № 7. С. 35.

² Сокольская Л. В. Рецепция как историческая форма правовой аккультурации // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 8. С. 2587.

³ Агапов Д. А. Правовая культура как элемент гражданского общества // Правовая культура. 2007. № 1. С. 10–14.

⁴ Бабаева В. К. Теория государства и права. М., 2014. 715 с.

⁵ Бойков А. Д. Правовая культура и вопросы правового воспитания : сборник научных трудов. М., 1974. 202 с.

⁶ Бондарев А. С. Юридическая ответственность и безответственность — стороны правовой культуры и антикультуры субъектов права. СПб., 2008. 185 с.

⁷ Васильев А. А. Охранительная концепция права в России. М., 2013. 440 с.

⁸ Сальников В. П. Правовая культура // Общая теория государства и права / отв. ред. М. Н. Марченко. М., 2007. С. 508.

ния породили множество авторских позиций по выявлению признаков, критериев, подходов понимания правовых институтов.

Представим теоретико-правовое понимание правовых институтов в их взаимосвязи. Так, И. Н. Сенином¹⁰ отмечено, что правосознание — это «идеальная, духовная сущность права» на основе естественного права. При этом оборотной стороной правосознания выступают «правовое невежество, идеализм, нигилизм, демагогия». Уместно уточнить, что правосознание демонстрирует результат закрепления ценностных начал и служит показателем гражданской позиции и гражданского общества. Автором обозначено, что правосознание состоит из правовой идеологии и правовой психологии. Например, советский период имел идеологию социализма и высшей ценности коммунизма, где правовая система характеризовалась социальной. Или в 90-х гг. в России ознаменовалась идеология «передового западного правового опыта» в силу преодоления «догоняющего характера экономического развития»¹¹.

По сути, правовая идеология это историческая форма права, имеющая объективное свойство эволюции права в ходе исторических событий, традиций, политических технологий, духовных начал — присущих конкретному обществу и государству. Очевидно, что правовая идеология имеет субъектное начало, имеющее связь с психологией, а именно с восприятием, мышлением, чувствами, сознанием человека, в том числе положительных и негативных проявлений. В связи с этим видится, что указанные признаки являются производными правового менталитета, а не правосознания.

Профессор А. Ю. Мордовцев обозначает правовой менталитет как сложную психолого-историческую форму отношений к институтам государства (власть, государственные деятели, национальная безопасность), экзистенциальной

концепции «Я», традиций разрешения конфликтов и споров¹².

Результатом трансформации психолого-исторической формы правового менталитета в переходной России с конца 80-х и 90-х гг. явились неформальные институты. Данные институты как альтернативные формы и современные аналоги медиаций, компромиссов и адаптаций оказались значимыми в преодолении дефицита диалога с государством и бездействия «закона» по причине незавершенности переходных процессов — что служит предпосылкой правовых рисков в XXI в. при цифровой трансформации правовых институтов.

С. А. Комаровым, А. В. Малько указаны присущие правовому менталитету¹³ культурно-этнические, духовно-психологические признаки, создающие синергию правовой ментальности отдельного гражданина, общества и государства — объективно определяя историко-правовую самоидентификацию.

Достаточным примером синергии правовой ментальности по этапам истории служит сочетание: правовых основ и духовных догматов/канонов (православное/христианское, исламское право); правовых основ и государственной идеологии (социальная правовая система); в эпоху цифровой трансформации — правовых основ и прагматизма.

В итоге просматриваем неразрывную связь в переходе правовой ментальности в правосознание как субъектные начала познания, оценки, мотива и регулирования поведения, где первичен правовой менталитет, который в ходе применения политических, культурных, воспитательных, образовательных технологий формирует правосознание и, в конечном итоге становление правовой культуры как признака гражданственности субъекта, общества и государства. Последовательная взаимосвязь рассмотренных правовых институтов образует

⁹ Синюков В. Н. Российская правовая система. М., 2010. С. 56.

¹⁰ Сенин И. Н. Правосознание, правовая культура и правовой менталитет // Международный научно-исследовательский журнал. 2015. С. 244.

¹¹ Скоробогатов А. В. Правовые заимствования как средство совершенствования национальной правовой системы // Актуальные проблемы экономики и права. 2018. № 1 (45). С. 79.

целое нераздельное, выраженное критерием преемственности, и как следствие системности правовых институтов.

Историко-правовое понимание социального эффекта обеспечено через призму историко-правовой преемственности правовых институтов, выраженной диалектикой, эволюционирующими историческими связями правовой системы¹⁴, взаимодействием и однородностью правовых систем, а также межотраслевыми связями с другими науками.

Представляет интерес субъектно-объективный подход историко-правовой преемственности, исследованной А. Р. Губайдуллиным, в контексте соотношения детерминизма и волюнтаризма. По существу, правовой детерминизм предопределяет эволюцию правовых институтов — что вполне объективно в рамках гражданского общества. Волюнтаризм демонстрирует доминирование культа личности, то есть доминирование частного над публичным правом в силу перекосов правового менталитета, то есть правового невежества и его производных (нигилизма, идеализма, демагогии, дилетантизма), и как следствие недостатка правосознания и правовой культуры.

Историко-правовая преемственность выражена такими переменными, как: количеством взаимосвязей, причинно-следственной связью естественного права и позитивизма, уровнем баланса (частного и публичного, субъективного и объективного, естественного права и позитивизма) правовых институтов. Данные переменные обеспечивают условия осуществления правовой имплементации или правовой экспан-

сии, демонстрирующие уровень или отсутствие социального эффекта правовых институтов.

По мнению ученого А. В. Скоробогатова¹⁵, правовой имплементации свойственно признание институтов демократии, свободы, прав граждан, позитивно закрепляя нормы гражданского общества как ценностный аспект развитости осознанно-добровольного диалога заимствования, проникновения, усовершенствования отдельных основ правовой системы. Д. В. Зыков, Н. Неновски, Г. В. Мальцев выделяют культурно-правовую преемственность¹⁶, где, полагаем, инструментом служит аккультурация с помощью образовательных, просветительских технологий в целях осознанного применения правовой имплементации.

Особенности социального эффекта правовых институтов российской правовой системы представлены через призму истории гиперболизма и патернализма как факторов «неформальной» преемственности.

Представляет интерес изыскания А. Ю. Мордовцева¹⁷ на основе воспоминаний А. Д. Тойнби об отсутствии прав у человека вне позитивизма: только позитивизм способен ответить на вызовы XXI в. и наделить человека правами и обязанностями, а «свободный и добродетельный дикарь, «естественный человек» — это выдумка эпохи Просвещения. Подобного рода понимание, по мнению автора, свойственно российской правовой ментальности, где правомочия осуществляются на основе гиперболизма. С данным тезисом сложно согласиться в полной мере. Поддержим лишь позицию, что сложившийся российский менталитет и ментальность объективно имеют

¹² Мордовцев А. Ю., Мамычев А. Ю. Правовая ментальность в национально-культурном пространстве: особенности эпохи преобразований (церковный раскол XVII в.) // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2017. Т. 9. № 4. С. 270.

¹³ Комаров С. А., Малько А. В. Теория государства и права. М., 1999.

¹⁴ Губайдуллин А. Р. Преемственность в развитии правовой системы // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2017. № 4 (32). С. 85.

¹⁵ Скоробогатов А. В. Указ. соч. С. 80.

¹⁶ Зыков Д. В. Некоторые вопросы теории юридического мышления // Вестник Волгогр. гос. ун-та. Серия 5 : Юриспруд. 2012. № 2 (17). С. 276.

¹⁷ Мордовцев А. Ю., Мамычев А. Ю. Правовой менталитет как основание исследования национального права и публично-властной организации в XXI веке // Политические науки. АНИ: экономика и управление. 2016. Т. 5. № 4 (17). С. 444.

историческое монархическое и империалистическое наследие, идентифицирующее народное сознание патернализма. Однако народное сознание субъектное и осознаваемо самим носителем (народом, обществом) в имплементации идеологий, мировоззрений, ценностей при переходе от ментальности к правосознанию, чтобы обеспечить историко-правовую и культурную преемственность лучших опытов в истории права самоидентификации правовой системы.

В отношении признака правовой имплементации интересна позиция И. Л. Солоневича, которая сводит категорию «конституционная демократическая монархия» к пониманию соборности и народной монархии¹⁸ с присущим правосознанием. Однако А. С. Хомяков относит соборность к признакам нравственно-юридическим основам общества¹⁹ в рамках альтернативы либерализма славянофильства. По сути, правосознание российского общества, обозначенное последователями (И. В. Киреевского, Ю. Ф. Самарина, К. С. Аксакова) русской философии права признано на основе духовно-православных начал, народной державности о жизни по совести. Очевидно, что публичные права балансируют с частными исключительно соглашением сторон на основе равенства, правосознания свободы и «нравственного закона»²⁰ (другими словами, правового обычая).

Существенной историко-правовой формой послужила «православная империя» в становлении «православной правовой системы» в отражении аскетизма и жертвенности правового менталитета (менталитета святых отцов), разрешающего духовно-социальные конфликты и споры, и принципиально отличающегося от наследия римского права и позитивизма в обеспечении лишь общественных прав.

На основе указанного полагаем, что в ходе имплементации решается вопрос достижения социального эффекта, выраженного становлением цивилизационного мировоззрения, закреплением констант добродетельного подхода правового мышления в части правотворчества и правоприменительной практики. Добродетельное правовое мышление, на наш взгляд, не ограничено балансом естественного права и позитивизма, технико-юридическими методами и правовой диалектикой, а сопряжено с духовным детерминизмом²¹, закрепленным в священных писаниях, в том числе патериках и апокрифах святых отцов.

В свою очередь, правосознание должно привести к правовой культуре, напомним, как результат гражданственности общества и установления правовых институтов. Однако в истории и современности России наблюдаем незавершенность становления правосознания и правовой культуры, где существуют опасения, что завершенность правовых институтов не наступит. Так, А. Ю. Мамычевым²² приведены доказательства недостатка правосознания, когда императив правовой нормы не коррелирует с социальными ожиданиями общества, где применен миноритарный подход (то есть правомочным меньшинством должностных лиц) принятия Конституции РФ в лице лишь государственных институтов — Конституционным Судом РФ и главой государства. Подобный пример связан с принятием поправок в Конституцию РФ²³, когда очевидны коллизии, связанные с легитимностью как самих поправок, относимых к неизменным главам, а также с порядком процедуры рассмотрения не каждой отдельной поправки, а всего пакета поправок. Такая ограниченность и деструкция,

¹⁸ Солоневич И. Л. Народная монархия. М., 2003. С. 115.

¹⁹ Хомяков А. С. О старом и новом. М., 1988. С. 55.

²⁰ Хомяков А. С. Мнение иностранцев о России // Полное собрание сочинений : в 8 т. Изд. 3-е, доп. М., 1900. Т. 1. С. 15.

²¹ Меньчиков Г. П. Детерминизм XXI: проблемы и решения. М., 2015. С. 64.

²² Мордовцев А. Ю., Мамычев А. Ю. Правовой менталитет как основание исследования национального права и публично-властной организации в XXI веке. С. 450.

²³ Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти».

чтобы выразить гражданскую позицию и применить конституционные права гражданами в полной мере как один из методов проявления правосознания, деформирует и усиливает гиперболизм, не оставляя шансов на завершение становления правовых институтов. При этом деструкция сопровождается фискальными и маркетинговыми технологиями в попытке заменить правосознание на политико-правовые архетипы, образы и представления — не связанные с правовым мышлением. В данном контексте не всегда правовая норма, не учитывающая социальные ожидания или несущая декларативность отечественного законодательства способна преодолеть неформальные институты, которые оказываются более действенными и эффективными инструментами в переходные периоды, но лишь в формировании бытового менталитета.

В целом в российской действительности возникли предпосылки «неформальной» преемственности правового менталитета и, если есть правосознание, то оно с позиции правовой эпистемологии не наступило или далеко от правосознания гражданского общества в связи с ее иллюзорностью и субъективностью. Так, примером служит группа правовых рисков согласно постановлению²⁴ Правительства РФ от 19.08.2011 № 694, имеющих негативные признаки правосознания и доказывающие противоправность следующих действий:

- неполнота и коллизии в правотворчестве общественных отношений;
- искажение смысла положений нормативного правового акта при его применении;
- использование норм, позволяющих расширительно толковать компетенцию государственных органов и органов местного самоуправления;
- неправомерные или необоснованные решения, действия (бездействия) в ходе применения нормативного правового акта;

— несоблюдение пределов компетенции государственными органами, хозяйствующими субъектами.

Другим примером выступают современные проблемы правовой латентности, связанные с дефицитом толкования о цифровых институтах (например, цифровой и хакерский след, персональные, электронные, открытые данные, цифровые компетенции, правовое положение цифрового профиля, цифровые доказательства), дефинициях и категориях, их правоприменительной практики в цифровой трансформации общественных отношений.

Как видится, по современному духу в силу внутренних перекосов причинно-следственных связей правовой ментальности и правосознания системного характера российского общества, недостатка гражданственности и историко-правовой преемственности присутствует латентность правовой экспансии, выраженная внешне правовой имплементацией, но приводящая к сознательной гиперболической замене правовых институтов отечественной правовой системы как признак исторической формы «тихой правовой революции». Следствием выявленных неразвитости правовых институтов выступает правовая экспансия с комплексом вытекающих правовых рисков по размыванию российской правовой системы, в том числе отраслевых разграничений.

Рассмотрим на примерах формы проявления правовой экспансии и правовой имплементации путем соотношения признаков гармонизации и унификации норм.

В отношении идентификации правовой системы возникают правовые риски, связанные с целями достижения единого правового пространства и социально-экономических показателей, в том числе цифровой трансформацией общественных процессов. В силу цифровой эволюции экономической системы правовые риски²⁵ имеют диалектическую связь с выстраиванием

²⁴ Постановление Правительства РФ от 19.08.2011 № 694 «Об утверждении методики осуществления мониторинга правоприменения в Российской Федерации» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_118528/ (дата обращения: 08.03.2020).

²⁵ *Магазинер Я. М.* Заметки о праве // Правоведение. 2000. № 5. С. 215–216.

новых организационно-правовых форм и норм права. По мнению В. Н. Карташова²⁶, имеет место сведение к унифицированному правовому позитивизму, обусловленному абсолютизацией формального закона под видом гармонизации норм на международном уровне.

Однако следует уточнить взаимосвязь гармонизации и унификации норм, позволяющей обеспечить социальный эффект общественных процессов. Имеются отдельные признаки гармонизации и унификации норм. На основе анализа доктрин Т. К. Примака, О. А. Серова отмечают признак унификации — «универсальность норм», в отношении гармонизации указывают признак «согласованность»²⁷.

Согласно мнению И. В. Ткачева²⁸, Е. В. Рафалюк²⁹ приходим к заключению, что гармонизация служит процессом согласования, то есть организационно-правовой деятельности, ведущей к результату универсальности норм, дающие социальный эффект в балансе норм и социальных ожиданий. Приведем примеры согласованности в области административного права.

Так, в целях минимизации тарифных и нетарифных таможенных барьеров, кооперации интеграционного пространства добровольных участников-государств гармонизация норм путем ратификации, отсылок на нормы международного права позволяет одновременно соблюдать интересы государств и интеграционного объединения.

Так, ч. 3 ст. 84 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза (далее — ТК ЕАЭС) в отношении правового статуса лица — участника таможенных правоотношений как декларанта, вида юридической ответственности действует метод отсылки — что обеспечивает действие норм международного права в рамках

ТК ЕАЭС и норм внутреннего законодательства государства — члена ЕАЭС.

Другой пример, представляет интерес гармонизации норм относительно привлечения к административной ответственности и применения административного наказания с применением административных мер. Согласно ст. 2:4–2:6.1, 2:10 Кодекса об административных правонарушениях РФ определены лица как объекты воздействия по привлечению к юридической ответственности, и в особенной части ст. 16:2–16:4 КоАП РФ установлено наступление административной ответственности граждан в области декларирования, запретов и ограничений ввоза / и, или вывоза товаров. В данных положениях не установлены физические лица и их возрастной уровень деликтоспособности. Тогда как в ст. 28 КоАП Казахстана (далее — РК) общей части указано физическое лицо, «достигшее к моменту окончания или пресечения административного правонарушения шестнадцатилетнего возраста». Также в ст. 4.1 КоАП Республики Беларусь (далее — РБ) указано: «Административная ответственность выражается в применении административного взыскания к физическому лицу». Согласно ст. 14, 15 Кодекса и нарушениях Киргизии (далее — КИР) ответственность выражена взысканием с физических лиц за «правонарушение (проступок)». Другими словами, в отличие от России наблюдаем гармонизацию норм кодексов Беларуси, Киргизии, Казахстана в определении лиц, привлекаемых к юридической ответственности. Поэтому, в силу имплементации единого порядка привлечения к административной ответственности физических лиц на территории ЕАЭС предполагается приведение в соответствие ст. 2:4–2:6.1 КоАП РФ к указанным нормам КоАП Беларуси, Киргизии, Казахстана.

²⁶ *Карташов В. Н.* Актуальные проблемы теории и истории правовой системы общества. Ярославль, 2006. С. 5–6.

²⁷ *Примак Т. К., Серова О. А.* Гармонизация, унификация, стандартизация в доктрине, правообразовании и правоприменении // *Юридический вестник Самарского университета.* 2015. № 3. С. 72.

²⁸ *Ткачев И. В.* Глобализация в сфере частного права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2011. С. 20.

²⁹ *Рафалюк Е. В.* Международная интеграция: методологические проблемы исследования // *Журнал российского права.* 2014. № 3. С. 45.

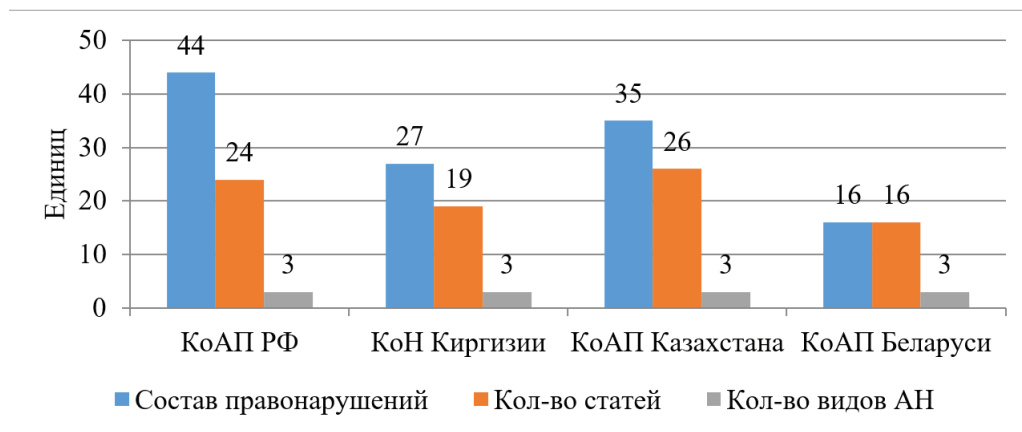

Рис. 1. Сравнительная структура норм кодексов стран — членов ЕАЭС

Подобная разница наблюдается и по структуре статей КоАП стран ЕАЭС, где выявлено разное количество составов правонарушений (рисунок 1). При этом наблюдается гармонизация в установлении основных и дополнительных видов наказаний в КоН КР, КоАП РК, КоАП РБ в отличие от норм КоАП РФ.

В силу полученных результатов наблюдаем частичную гармонизацию норм таможенного законодательства интеграционного объединения, что сохраняет риск неправомерности действий, неравномерности степени наказуемости и, как следствие, сосредоточения угроз наступления противоправных действий (бездействия) на конкретной территории стран — членов ЕАЭС.

Резюмируем, что для интеграционных участников гармонизация норм служит основным инструментом правовой имплементации лучшего опыта методом согласования отсылок, ратификаций и идентификации правовых систем. При этом взаимосвязь гармонизации и унификации объективна, без которой невозможна правовая имплементация, и очевидно отсутствие таковой взаимосвязи создает риск проявлений правовой экспансии, например в ходе проведения лишь унификации в форме «перетянуть одеяло на

себя», или только гармонизации как результат незавершенности унификации норм. В целом уточним, что правовая имплементация выражена одной из форм прямой взаимосвязи гармонизации и унификации норм в обеспечении правопреимственности, баланса позитивизма и естественного права, диспозиции и императива, а также в целях ухода от абсолютизации закона как формальности и правовой деструкции.

Однако в силу правовой деструкции, отсутствия историко-правовой преемственности, нарушения прямой взаимосвязи гармонизации и унификации проявляется правовая экспансия, в том числе внутриотраслевой, в частности на примере уголовно-правовой экспансии.

Так, Ш. Н. Хазиевым, А. Джигаряном обозначена проблема разрешения конфликтов гражданско-правовых отношений уголовным преследованием³⁰ в силу неправомерной квалификации с применением терминологии уголовно-процессуального права и вследствие правового нигилизма неправомерного установления состава преступления. Правовой нигилизм создает экономический стимул для недобросовестных гражданских правоотношений и закрепляет неформальные институты, как на уровне част-

³⁰ Джигарян А. Уголовно-правовая экспансия и проблемы преюдиции в арбитражном процессе. 2019 // URL: https://zakon.ru/blog/2019/5/30/ugolovno-ravovaya_ekspansiya_i_problemy_prejudicii_v_arbitrazhnom_processe. (дата обращения: 14.03.2020).

ных, так и публичных правоотношений, в том числе в деструктивном диалоге с государственными органами.

А. Джигаряном указана регуляторная деформация, выраженная вытеснением «гражданских институтов в пользу уголовно-правовых конструкций» на примере постановления Конституционного Суда РФ³¹ «о возможности взыскания с физических лиц, которые были осуждены за совершение налоговых преступлений, вреда в размере не поступивших в бюджет от организации-налогоплательщика налоговых недоимок и пеней».

Другим примером внутриотраслевой правовой экспансии служит ст. 23 Уголовно-процессуального кодекса РФ «причинение вреда интересам организации с участием в уставном (складочном) капитале (паевом фонде) государства или муниципального образования одновременно влечет за собой причинение вреда интересам государства или муниципального образования», где придается особый статус участникам государственного и муниципального оборота.

Автором в рамках процессуального права на примере договорных правоотношений хозяйствующих субъектов в области долевого строительства, выявлено, что защита гражданских прав в силу ненадлежащего исполнения условий договора при выставлении требований потерпевшим квалифицируется фактом мошенничества (преступлением), уголовное преследо-

вание сужает пределы арбитражной преюдиции решений судов в силу выявления новых обстоятельств, возникновение «гражданско-правовой презумпции преступных (мошеннических) действий истца и презумпции неоплаты по договору, которую истец должен опровергать».

В целом указанные факты свидетельствуют об «абсурдности» правового нигилизма, проявленного носителями прав, полномочий в правоприменительной практике и толковании правовых ситуаций как сознательный отход от правопреемственности и правосознания, не наступления социального эффекта правовых институтов.

Очевидно, что для завершения становления правовых институтов, сохранения историко-правовой преемственности и ухода признаков правовой экспансии основным решением служат образовательно-исследовательские, культурно-просветительские технологии в области правовой науки исключительно на принципах научности и фундаментализма как один из результатов социального эффекта. При этом в условиях цифровой трансформации на основании постановления Правительства РФ от 08.05.2019 № 570³², приказа Минобрнауки России от 23.08.2017 № 816³³ значимо — правомерность применения образовательных технологий, историко-образовательного наполнения с использованием коммуникационной и цифровой инфраструктуры, которая служит инструментом становления правовых институтов, социального

³¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 08.12.2017 «По делу о проверке конституционности положений статей 15, 1064 и 1068 Гражданского кодекса Российской Федерации, подпункта 14 пункта 1 статьи 31 Налогового кодекса Российской Федерации, статьи 1992 Уголовного кодекса Российской Федерации и части первой статьи 54 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи жалобами граждан Г. Г. Ахмадеевой, С. И. Лысяка и А. Н. Сергеева».

³² Постановление Правительства РФ от 08.05.2019 № 570 (ред. от 28.01.2020) «О реализации отдельных мероприятий, направленных на создание и развитие информационного ресурса “Современная цифровая образовательная среда в Российской Федерации”, федерального проекта “Молодые профессионалы (Повышение конкурентоспособности профессионального образования)” национального проекта “Образование”» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_324367/ (дата обращения: 15.03.2020).

³³ Приказ Минобрнауки России от 23.08.2017 № 816 «Порядок применения организациями, осуществляющими образовательную деятельность, электронного обучения, дистанционных образовательных технологий при реализации образовательных программ» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_278297/ (дата обращения: 08.03.2020).

эффекта законодательного обеспечения в плоскости историко-правовой преемственности.

Актуальность темы выражена такими аспектами, как оценка действенности правового менталитета, ментальности, правосознания и правовой культуры в правотворчестве и правоприменительной практике; применение историко-правового подхода в выявлении историко-правовой преемственности как гаранта становления правовых институтов; выявление правовых рисков переходных процессов в трансформации правовых институтов и наступления признаков правовой экспансии / правовой имплементации.

Обозначены признаки правовых рисков, как формализм, фальсификация, латентность — присущие переходным периодам правовой системы (например, стабильной реформации и отсутствие историко-правовой преемственности российской правовой системы).

Теоретико-правовой подход позволяет раскрыть правовую природу взаимосвязи системы признаков правовых институтов, выраженной диалектикой и логикой проявления категории «правовая ментальность — правосознание — правовая культура». Концептуальной формой служит правовая идеология субъектных начал (миропонимания, духовных, культурных основ). Основным критерием служит преемственность и системность правовых институтов.

Историко-правовое понимание социального эффекта раскрывает переменные историко-правовой преемственности, соотношение правового детерминизма и валюнтаризма — ведущие к правовой имплементации или правовой экспансии.

Выявлены институты правовой имплементации, как демократия, гражданское общество и правовая аккультурация. Применимо к правовой имплементации установлены исторические предпосылки, как монархичность, державность, соборность, жертвенность — присущие российской правовой ментальности, где значимы такие принципы, как нравственность закона,

совестливость поступка, равенство соглашения в разрешении споров — отличных от признаков римского права и позитивизма. Сделан акцент на добродетельном правовом мышлении как один из признаков становления правовых институтов.

На основе сравнительной аналогии признаков гармонизации («согласованность») и унификации норм («универсальность») на примере административных правоотношений установлена их прямая взаимосвязь организационно-правовой деятельности по гармонизации ведущей к результату универсальности норм — как инструмент баланса норм и социальных ожиданий в ходе правовой имплементации.

Уточнено, что правовая имплементация выражена одной из форм прямой взаимосвязи гармонизации и унификации в обеспечении правопреемственности, баланса позитивизма и естественного права, диспозиции и императива.

На примерах указаны предпосылки незавершенности правовых институтов российской практики, выраженные миноритарностью, доминированием гиперболизма, правовой деструкцией, декларативностью и коллизионностью норм, а также основательным закреплением «неформальной» преемственности. Это ведущие предпосылки возникновения перекосов причинно-следственных связей правовой ментальности и правосознания, носящие системный характер (латентности, неправомерных и противоправных поступков) — создающие благоприятную почву для доминирования разного рода признаков правовой экспансии, а именно размывание правовых институтов и прекращение историко-правовой идентификации государства.

В результате историко-правовой подход при анализе и решении проблем социального эффекта позволяет усилить императив становления правовых институтов посредством применения образовательно-исследовательских, культурно-просветительских технологий в области правовой науки исключительно на принципах научности и фундаментализма.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Агапов Д. А. Правовая культура как элемент гражданского общества // Правовая культура. — 2007. — № 1. — С. 10–14.
2. Бабаева В. К. Теория государства и права. — М., 2014. — 715 с.
3. Бойков А. Д. Правовая культура и вопросы правового воспитания : сборник научных трудов. — М., 1974. — 202 с.
4. Бондарев А. С. Юридическая ответственность и безответственность — стороны правовой культуры и антикультуры субъектов права. — СПб., 2008. — 185 с.
5. Васильев А. А. Охранительная концепция права в России. — М., 2013. — 440 с.
6. Губайдуллин А. Р. Преемственность в развитии правовой системы // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2017. — № 4 (32). — С. 81–90.
7. Джагарян А. Уголовно-правовая экспансия и проблемы преюдиции в арбитражном процессе. 2019 // URL: https://zakon.ru/blog/2019/5/30/ugolovno-pravovaya_ekspansiya_i_problemy_prejudicii_v_arbitrazhnom_processe (дата обращения: 14.03.2020).
8. Зыков Д. В. Некоторые вопросы теории юридического мышления // Вестник Волгогр. гос. ун-та. Серия 5 : Юриспруд. — 2012. — № 2 (17). — С. 274–280.
9. Карташов В. Н. Актуальные проблемы теории и истории правовой системы общества. — Ярославль, 2006. — 140 с.
10. Комаров С. А., Малько А. В. Теория государства и права. — М., 1999.
11. Магазинер Я. М. Заметки о праве // Правоведение. — 2000. — № 5. — С. 215–216.
12. Меньчиков Г. П. Детерминизм XXI: проблемы и решения. — М., 2015. — 96 с.
13. Мордовцев А. Ю., Мамычев А. Ю. Правовая ментальность в национально-культурном пространстве: особенности эпохи преобразований (церковный раскол XVII в.) // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. — 2017. — Т. 9. — № 4. — С. 269–281.
14. Мордовцев А. Ю., Мамычев А. Ю. Правовой менталитет как основание исследования национального права и публично-властной организации в XXI веке // Политические науки. АНИ: экономика и управление. — 2016. — Т. 5. — № 4 (17). — С. 444–447.
15. Примак Т. К., Серова О. А. Гармонизация, унификация, стандартизация в доктрине, правообразовании и правоприменении // Юридический вестник Самарского университета. — 2015. — № 3. — С. 71–78.
16. Рафалюк Е. В. Международная интеграция: методологические проблемы исследования // Журнал российского права. — 2014. — № 3. — С. 42–52.
17. Сальников В. П. Правовая культура // Общая теория государства и права / отв. ред. М. Н. Марченко. — М., 2007.
18. Сенин И. Н. Правосознание, правовая культура и правовой менталитет // Международный научно-исследовательский журнал. — 2015. — С. 243–254.
19. Сидоров П. И. Этическая синдромология ментальной эпидемиологии // Экология человека. — 2015. — № 7. — С. 33–44.
20. Синюков В. Н. Российская правовая система. — М., 2010.
21. Скоробогатов А. В. Правовые заимствования как средство совершенствования национальной правовой системы // Актуальные проблемы экономики и права. — 2018. — № 1 (45), — С. 77–88.
22. Сокольская Л. В. Рецепция как историческая форма правовой аккультурации // Актуальные проблемы российского права. — 2014. — № 8. — С. 1581–1589.
23. Солоневич И. Л. Народная монархия. — М., 2003.
24. Ткачев И. В. Глобализация в сфере частного права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Краснодар, 2011. — 38 с.
25. Хомяков А. С. Мнение иностранцев о России // Полное собрание сочинений : в 8 т. — Изд. 3-е, доп. — М., 1900. — Т. 1.
26. Хомяков А. С. О старом и новом. — М., 1988.

Материал поступил в редакцию 28 марта 2020 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Agapov D. A. Pravovaya kul'tura kak element grazhdanskogo obshchestva // Pravovaya kul'tura. — 2007. — № 1. — S. 10–14.
2. Babaeva V. K. Teoriya gosudarstva i prava. — M., 2014. — 715 s.
3. Bojkov A. D. Pravovaya kul'tura i voprosy pravovogo vospitaniya : sbornik nauchnyh trudov. — M., 1974. — 202 s.
4. Bondarev A. S. Yuridicheskaya otvetstvennost' i bezotvetstvennost' — storony pravovoj kul'tury i antikul'tury sub"ektov prava. — SPb., 2008. — 185 s.
5. Vasil'ev A. A. Ohranitel'naya koncepciya prava v Rossii. — M., 2013. — 440 s.
6. Gubajdullin A. R. Preemstvennost' v razvitii pravovoj sistemy // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kyrafařina (MGYuA). — 2017. — № 1 (32). — S. 81–90.
7. Dzhagaryan A. Ugolovno-pravovaya ekspansiya i problemy preyudicii v arbitrazhnom processe. 2019 // URL: https://zakon.ru/blog/2019/5/30/ugolovno-pravovaya_ekspansiya_i_problemy_prejudicii_v_arbitrazhnom_processse (data obrashcheniya: 14.03.2020).
8. Zykov D. V. Nekotorye voprosy teorii yuridicheskogo myshleniya // Vestnik Volgogr. gos. un-ta. Seriya 5 : Yurisprud. — 2012. — № 1 (17). — S. 274–280.
9. Kartashov V. N. Aktual'nye problemy teorii i istorii pravovoj sistemy obshchestva. — Yaroslavl', 2006. — 140 s.
10. Komarov S. A., Mal'ko A. V. Teoriya gosudarstva i prava. — M., 1999.
11. Magazinер Ya. M. Zametki o prave // Pravovedenie. — 2000. — № 5. — S. 215–216.
12. Men'chikov G. P. Determinizm XXI: problemy i resheniya. — M., 2015. — 96 s.
13. Mordovcev A. Yu., Mamychев A. Yu. Pravovaya mental'nost' v nacional'no-kul'turnom prostranstve: osobennosti epohi preobrazovaniy (cerkovnyj raskol XVII v.) // Territoriya novyh vozmožnostej. Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i servisa. — 2017. — T. 9. — № 4. — S. 269–281.
14. Mordovcev A. Yu., Mamychев A. Yu. Pravovoj mentalitet kak osnovanie issledovaniya nacional'nogo prava i publichno-vlastnoj organizacii v XXI veke // Politicheskie nauki. ANI: ekonomika i upravlenie. — 2016. — T. 5. — № 1 (17). — S. 444–447.
15. Primak T. K., Serova O. A. Garmonizaciya, unifikaciya, standartizaciya v doktrine, pravoobrazovanii i pravoprimenenii // Yuridicheskij vestnik Samarskogo universiteta. — 2015. — № 3. — S. 71–78.
16. Rafalyuk E. V. Mezhdunarodnaya integraciya: metodologicheskie problemy issledovaniya // Zhurnal rossijskogo prava. — 2014. — № 3. — S. 42–52.
17. Sal'nikov V. P. Pravovaya kul'tura // Obshchaya teoriya gosudarstva i prava / otv. red. M. N. Marchenko. — M., 2007.
18. Senin I. N. Pravosoznanie, pravovaya kul'tura i pravovoj mentalitet // Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal. — 2015. — S. 243–254.
19. Sidorov P. I. Eticheskaya sindromologiya mental'noj epidemiologii // Ekologiya cheloveka. — 2015. — № 7. — S. 33–44.
20. Sinyukov V. N. Rossijskaya pravovaya sistema. — M., 2010.
21. Skorobogatov A. V. Pravovye zaimstvovaniya kak sredstvo sovershenstvovaniya nacional'noj pravovoj sistemy // Aktual'nye problemy ekonomiki i prava. — 2018. — № 1 (45), — S. 77–88.
22. Sokol'skaya L. V. Recepciya kak istoricheskaya forma pravovoj akkul'turacii // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2014. — № 8. — S. 1581–1589.
23. Solonevich I. L. Narodnaya monarhiya. — M., 2003.
24. Tkachev I. V. Globalizaciya v sfere chastnogo prava : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — Krasnodar, 2011. — 38 s.
25. Homjakov A. S. Mnenie inostrancev o Rossii // Polnoe sobranie sochinenij : v 8 t. — Izd. 3-e, dop. — M., 1900. — T. 1.
26. Homjakov A. S. O starom i novom. — M., 1988.